

АПОЛОГИЯ ДЕСПОТИЗМА

Произведения Ивана Грозного привлекают наше внимание не только и, быть может, не столько своим стилем, но и тем, как в них выразилась его идеология, проявилось мировоззрение. В той или иной степени этой темы приходилось касаться и выше: ведь не отделить в литературе, а тем более в публицистике форму от содержания. Здесь же попытаемся дать общую характеристику взглядов Грозного.

Главная ценность для него - ничем не ограниченная самодержавная власть. Думается, нет более лаконичного, четкого и даже талантливое определения деспотизма, чем то, которое дал Иван Грозный:

"А жаловати есмь своих холопей вольны, а и казнити вольны же..."

В этих словах выражена суть именно деспотизма, а не абсолютной монархии, хотя эти два явления подчас путают.

Классический пример абсолютизма в России - время Петра I. В чем, в чем, а в мягкости или слабости этого монарха не заподозришь. Но какой бы акт государственной власти первой четверти XVIII века мы ни взяли, всюду царь апеллирует не просто к своей воле, а к *"благу всех своих верных подданных"*, к общественной пользе. Для абсолютной монархии характерно уважение к законности. Хотя воля монарха в создании законов безгранична, ибо он - источник законов, но пока закон не отменен, ему подчиняется и государь. Монарх же, который волен жаловать, а волен казнить своих холопов, не только самодержец, но и деспот. Не он действует для блага подданных, а подданные - для его блага.

Царь Иван был уверен, что служить ему - нравственный и христианский долг его подданных. Сам господь поручил их ему в *"работу"*, то есть в рабство. Царь, например, утверждал, что Курбский, совершив побег, не только сам стал *"крестопреступником"*, но и своих *"прародителей души погубил"*, ибо они были даны в *"работу"* еще Ивану III и *"вам, своим детям, приказали служити деда нашего детям и внучатом"*.

Самодержавную власть Грозный считал единственно возможной формой правления. С презрением пишет он о тех *"безбожных"* государях,

которые *"царствию своими не владеют, како им повелят работные их, так и владеют"*. Вспомним, что и английскую королеву Елизавету он порицал за некоторую ограниченность ее власти: *"...у тебя мимо тебя люди владеют"*. Царь и деятелей Избранной рады обвинял прежде всего в узурпации царской власти: они *"во всем свое хотение улучиша"*, *"от прародителей наших данную нам власть от нас отъяша"*.

Не только характер стиля царя Ивана, но и его идеология станет понятнее в сравнении с мировоззрением его главного политического оппонента - князя Курбского. Широко распространено убеждение, что Курбский и Иван Грозный стояли на диаметрально противоположных идеологических позициях. Это не так. Выше уже было показано, что Курбский - сторонник твердой власти, централизованного государства не меньший, чем Иван IV. Так что в главном царь и его беглый боярин - единомышленники. Парадоксально? Только на первый взгляд. Ведь острый спор возможен лишь на основе общей платформы. Иначе теряют силу все аргументы, начинается диалог глухих. Невозможен, например, спор христианского и мусульманского теологов о том, кто прав: шииты или сунниты, лютеране или католики. Для христианина будут равно заблуждающимися шииты и сунниты, для мусульманина - католики и лютеране.

Вместе с тем велика и разница в воззрениях царя и Курбского: они по-разному понимали и задачи царской власти, и феодальную законность.

Курбский в отличие от Грозного считал: у царя есть обязанности по отношению к подданным, к стране. Он не видел нравственной доблести в том, чтобы покорно подставлять шею под топор палача, если того пожелает сюзерен. Как верно писал С.Б. Веселовский, *"все притязания Курбского сводятся к тому, чтобы не быть битым без суда"*.

Царь же считал, что верность своему господину в любых обстоятельствах, вне зависимости от того, прав или нет господин, - священный долг подданного. Поэтому он поставил Курбскому в пример даже его собственного холопа Василия Шибанова, сохранившего верность Курбскому:

"Како же не усрамишися раба своего Баски Шибанова? Еже убо он свое благочестие соблюде, пред царем и пред всем народом, при смертных вратех стоя, и крестнаго ради целования тебе не отвержесе, и похваляя всячески, умрети за тебе тщишесе".

Шибанову не пришлось долго *"тщиться"* (стараться) умереть: он был казнен, казнен за то, что остался верен "государеву изменнику". Но оказывается сам царь был убежден, что тем самым Шибанов *"свое"*

благочестие соблюде", ибо не холопые дело судить своего господина. Истинный слуга верен не потому, что господин прав, а потому, что он - господин.

Курбский как будто считает иначе, призывая бога в судьи между царем и собой. Но нельзя забывать, что Курбский принадлежит к тем авторам, о которых иногда говорят, что лучше следовать их словам, чем делам.

Во время пребывания Курбского в Речи Посполитой были эпизоды, в которых князь Андрей проявлял себя достойным учеником царя Ивана, его единомышленником даже в методах. Так, у Курбского были как у землевладельца какие-то счеты с местными евреями. Не долго думая, он, чтобы взыскать с них деньги, приказал своему управляющему Калымету заточить их в своем замке, в подвале, где стояла вода по колено. В воду напустили пиявок. Когда через двое суток несчастных удалось освободить (родственники усиленно хлопотали перед властями), с них струилась кровь.

Затем состоялся суд, на котором Калымет как представитель Курбского патетически вопрошал:

"Чи невольно пану подданных своих не тылько везеньем (тюрьмой. - В. К.), або чим иншим, але и горлом (смертью. - В. К.) карати?"

"Пан мой князь Курпский, - продолжал Калымет, - маючи твоє імєньє Ковельское и подданных в моци (власти. - В. К.) своей, волен карати, як хочет".

Удивительно похоже на *"жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же"*! Но несет ли Курбский ответственность за своего управляющего? Может быть, тот просто переусердствовал? Увы, несет. Когда через некоторое время Калымет был убит (может быть, довел окружающих до отчаяния своей жестокостью?), Курбский с болью душевной писал, что его враги *"слуги моего и брата превозлюбленного и верного кровь пролияша"*. Так что не знай мы о деяниях Калымета, впору было бы прослезиться.

В конфликте царя с Курбским порой видят столкновение аристократа с монархом, опирающимся на низы класса феодалов. Но мы уже видели, что Курбский при всем своем аристократизме был сторонником привлечения к управлению отнюдь не только знати. Царь же Иван, пожалуй, больший ревнитель прав аристократии, чем Курбский. Иван Васильевич был исполнен глубокого презрения к тем, кто не имел за собой такой вереницы знатных предков, как он сам. А ведь свой род он считал самым древним. Официально принятая в "Сказании о князьях Владимирских" генеалогия утверждала, что родоначальник династии, новгородский князь Рюрик, был потомком некоего Пруса, брата римского императора Августа. *"Мы от Августа кесаря*

родством ведемся", - писал царь Иван шведскому королю. На этом основании, похоже, царь Иван был даже готов иной раз отказаться от русского происхождения. Английский дипломат Дж. Флетчер рассказывает, что однажды царь вручил одному английскому ювелиру золото для изготовления посуды и посоветовал быть осторожным:

"Русские мои все воры".

Англичанин удивился: *"Вы сами русский"*.

"Я не русский, предки мои германцы", - возразил царь.

Презрение к людям неаристократического происхождения проявлялось у Грозного буквально в каждой строчке. Об Адашеве, отпрыске не очень знатного, но "честного" рода, он писал, что взял его *"от гноища"*, то есть из навозной кучи. И Василию Грязному он советовал вспомнить *"свое величество и отца своего"*, когда они служили *"мало что не в охотниках с собаками"* у князей Ленинских. Да и шведского короля Юхана III укорял в том, что его род - *"мужичий"*.

Презрение это распространялось у царя Ивана и на избранных монархов (хотя сам был не прочь стать по выбору королем Речи Посполитой). Монарх должен быть *"прирожденным"*, наследственным. Сам Иван IV гордился тем, что оказался на престоле в столь раннем возрасте, что даже не помнит себя не государем, не помнит, как его *"батюшка пожаловал благословил государством, да и взрос есми на государстве"*. Избранному польскому королю Стефану Баторию он отправляет послание, где подчеркивает, что он сам в отличие от короля - царь *"по божью изволению, а не по многомятежному человечества хотению"*.

Шведского короля Юхана III Иван Грозный, как уже отмечалось выше, не считал равным себе прежде всего на том основании, что отец Юхана Густав Ваза, простой дворянин, не родился королем, а был избран на престол.

"Уже ты сказываешься государьской род, - пишет царь, - и ты скажи, отец твой Густав чей сын и как деда твоего звали, и где на государстве сидел, и с которыми государями был в братстве и которого ты роду государьского?"

Любопытно, что "мужичье" происхождение Густава Вазы доказывается способом, заставляющим вспомнить "принцессу на горошине". Оказывается, когда русские купцы привезли в Швецию сало и воск, король Густав *"сам, в рукавицы нарядясь, сала и воску за простого человека вместо опытом пытал"*.

"И то государское ли дело? - вопрошает царь Иван.- Коли бы отец твой был не мужичей сын, и он бы так не делал".

Да, в демократизме грозного царя не заподозришь - он был аристократом до мозга костей. И неудивительно: ведь с происхождением и только с происхождением были связаны его права на самое ценное для него - на его власть.